

СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

И.А. Поплавская, канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социальной структуры и социальных процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются социально-исторические предпосылки, сформировавшие неблагоприятные условия для перехода страны к инновационному типу развития.

Ключевые слова: инновационное развитие, национальные и социокультурные особенности, культура, цивилизация.

The article examines the socio-historical background that shaped unfavorable conditions for the country's transition to innovative development.

Key words: innovative development, national and sociocultural features, culture, civilization.

Многие причины сегодняшних проблем в российском обществе связаны с особенностями его истории и культуры. Изучение и анализ этих особенностей, их возможного влияния на дальнейший путь развития России представлены в исследовании А.С. Ахиезера, главная направленность которого — уловить и осмыслить то, что называют *самобытностью*, а на языке социальной теории — *спецификой российского общества*: особенности связей между обществом и культурой в их историческом развитии.

Согласно А.С. Ахиезеру, процесс исторического развития общества предстает как стремление к реализации определенной культурной программы, которая постоянно корректируется в результате осмысления изменений, происходящих в окружающем мире. Повседневная практика реализации культурной программы накладывается на социальные отношения, господствующие в данном обществе. Общество в каждый момент времени представляет собой результат взаимодействия между формами общественной жизни (социальными отношениями) и господствующими в нем культурными ценностями. Состояние это внутренне неустойчиво

* Поплавская Ирина Анатольевна, e-mail: tabirina@live.ru

из-за неустранимого противоречия между культурными идеалами и социальной практикой, мышлением и реальностью. Усиление социально-культурных противоречий грозит обществу распадом. В зависимости от подхода к решению этой проблемы в концепции А.С. Ахиезера выделяется два основных культурных типа. В рамках первого типа в обществе господствует установка на сохранение созданной структуры, в рамках второго — идет поиск и апробация новых моделей.

А.С. Ахиезер связывает это с цивилизационным своеобразием обществ, определяемых как традиционные и либеральные. Рассматривая цивилизационную принадлежность России, он доказывает, что она представляет собой “промежуточную цивилизацию”, поскольку ее историческое развитие характеризовалось движением между ценностями традиционализма (Востока) и либерализма (Запада). Однако эти метания так и не закончились неким определенным выбором, т.е. страна не смогла, окончательно преодолев традиционализм, превратиться в либеральную цивилизацию. «Россия “застряла” между двумя основными цивилизациями. Граница между цивилизациями проходит через живое тело народа, создавая в нем состояние раскола»¹.

Промежуточность России — исторически временное состояние, момент мучительный и затянувшийся, но преходящий. Суть этой промежуточности коренится в традиционной крестьянской культуре, поскольку именно она лежала в основе массового сознания населения России. Глубоко укоренившийся этот опыт часто предлагает свои образцы решений, кажущиеся единственно верными, хотя и неизвестно почему. Этот опыт говорит, что власть сакральна, т.е. всемогуща, и может делать с гражданами государства то, что сочтет нужным. Этот же опыт подсказывает, что она — от “лукавого”, и жизнь наша плоха, потому что ею управляет плохое “начальство”. Богатство честным не бывает.

Такие стереотипы уже давно не соответствуют реальности современного мира, но так исторически сложилось, что эта *реальность всегда опережала саморазвитие культуры* огромной и малонаселенной страны. Специфика в том, что в России культурные инновации никогда не успевали толком укорениться, пронизать почву, изжить себя, превратившись в традицию, постепенно уходящую и потому спокойно уступающую свое место последующим новшествам.

Одним из важнейших следствий раскола А.С. Ахиезер считает невозможность в его рамках выработки на всех уровнях большого общества решений, способных разрешить социокультурные противоречия. Такие несовершенные решения он называет “хрома-

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 2008. С. 178–182.

ющими” и отмечает: “Специфика значимого решения в условиях раскола заключается в том, что оно всегда односторонне, не преодолевает раскол, взвешенно не учитывает обе стороны раскола, то есть не обеспечивает синтез в своих решениях, в формируемых смыслах не выходит за рамки условий, средств и целей, способствующих сохранению раскола”. (Наше общество все пронизано хромающими решениями, т.е. несовершенными, не способными разрешить любого рода противоречия.) И далее у А.С. Ахиезера: “Любое значимое решение отменяется, не успев реализоваться, все решается как исключение, разрешенное запрещается, все сказанное и записанное опровергается, чтобы утверждаться, и утверждается, чтобы быть опровергнутым”².

Самым масштабным проявлением хромающих решений А.С. Ахиезер полагает выделенные им циклы российской истории. Первый цикл в его представлении закончился в 1917, второй — в 1991 г. с распадом СССР, а в настоящее время протекает третий цикл. Каждый цикл российской истории, по выражению А.С. Ахиезера, представляет собой хождение по заколдованному кругу все тех же хромающих решений.

Трудно не согласиться с тем, что приведенная выше цитата наглядно иллюстрирует происходящее сегодня во многих сферах жизнедеятельности российского общества, в том числе и в инновационной. По оценке бывшего министра финансов А.Л. Кудрина, озвученной 22 февраля 2011 г. на Красноярском экономическом форуме, в России сейчас действуют 193 стратегических документа и концепции, принятых правительством или президентом. Еще 83 находятся в разработке по поручениям и решениям, которые приняты правительством или президентом. 30 готовятся к разработке, но их цели, задачи и ресурсы уже сейчас не сбалансированны³.

Менталитет большинства россиян характеризуется продолжающимся влиянием крестьянской по своей сути культуры, сохраняющейся в основе массового сознания населения, не воспринимающего инициативы государства и любые, прежде всего культурные инновации, а также традиционно не признающего возможность честного накопления богатства.

Так, при факторном анализе двенадцать основных причин достижения высокого уровня благополучия, которое в глазах россиян выступает как богатство, объединяются в четыре суммарных фактора⁴. Первый из них связан с *аморальными и не правовыми поведен-*

² Там же.

³ Стенограмма Красноярского экономического форума. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/751371-echo>

⁴ Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html

ческими практиками — неразборчивость в средствах, непорядочность (9% россиян имеют в своем окружении богатых, причиной богатства которых стали именно эти обстоятельства); связь с криминалом (9%); служебное положение, позволяющее брать взятки (14%). Второй объединяет различные грани везения: само по себе везение, удачу (29%), умение использовать все возникающие шансы (26%) и наличие главного такого шанса в российских условиях — нужных связей (49%). Третий включает переменные, связанные с возможностями формирования первоначального капитала, — имевшиеся сбережения, позволившие заняться бизнесом (22%), и возможность с выгодой для себя поучаствовать в приватизации (12%). Наконец, четвертый отражает деловые качества самого человека — наличие у него деловой хватки (43%), работу без оглядки на время и здоровье (25%), наличие высокой квалификации, знаний (23%).

Согласно социологическим замерам, динамика сравнительной роли этих факторов в достижении благополучия за последние десять лет говорит о ярко выраженной негативной ситуации в этой области. Для россиян причины богатства связаны чаще всего с фактором везения и коррупции, а отнюдь не с собственными усилиями человека или качеством его человеческого капитала. И хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане значительно улучшилась, подобное устройство общества не стало от этого в их глазах более справедливым.

Согласно А.С. Ахиезеру, в условиях раскола процесс введения инноваций в культуру характеризуется непоследовательностью, половинчатостью, приводит к попеременному доминированию то традиционалистских, то либеральных подходов при столкновении с кардинально новыми явлениями в жизни общества. Результатом такого метания становится принципиальная невозможность радикального решения возникающих проблем. Если все или большая часть решений, затрагивавших фундаментальные основы существования общества, были ущербны, то кумулятивный эффект от их принятия и реализации должен был бы уже давно лишить его возможности к существованию. Как же такое общество могло просуществовать более тысячи лет, сохранив в основополагающих чертах свою культурную и государственную идентичность?

Вероятно, причины не только в специфике и имманентном своеобразии российской культуры. Наши культурные особенности не только отражают сложности исторического пути России, но и являются следствием включения таких элементов, которые формировались и отбирались в результате преодоления сопротивления истории и способствовали закреплению в культуре механизмов успешного преодоления этого сопротивления.

Преодолевая сопротивление истории, Россия в своем развитии столкнулась с такими глобальными препятствиями, которые вызвали ее нарастающее отставание от передовых стран мира. Она не могла не ощущать этого разрыва, поскольку постоянно сталкивалась с ведущими странами в силу своего геополитического положения, масштаба национальных интересов, необходимости решения внутренних и внешних проблем. Кардинальные попытки сократить и преодолеть это отставание породили специфическую государственную систему, отпечатавшуюся в институциональной структуре общества, которая надолго определила способ разрешения тех многочисленных проблем, с которыми в своем развитии сталкивались государство, народ и общество.

Г.В. Вернадский пишет, что обширные пространства Евразии были заняты русскими в ходе длительного исторического процесса: “Может быть, это неборимая логика географии лежит в основе всей истории... Все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов, но история не дает более наглядного примера влияния географии на *культуру*, чем историческое развитие русского народа”⁵. Здесь следует понимать, что речь идет не о чистой географии, а о наложении на географические условия социальных, экономических, политических, демографических и других факторов, обусловивших специфику исторического движения нашей страны. Освоение территории Евразии Российским государством протекало с переменным успехом. Территориальные приобретения сопровождалось трудностями освоения новых земель, усугублялись сложным процессом ассимиляции новых народов и их *самобытными культурами и общественным устройством*.

В отличие от государств Запада, которые уже к началу второго тысячелетия нашей эры в основном определились в своих исторических границах, Россия вынуждена была расширять территорию для обретения безопасных границ в виде гор, морей и океанов и соприкосновение с такими странами, с которыми было возможно заключение эффективных договоров о государственных границах. Этот процесс приводил к включению в состав страны все новых народов и племен, находившихся на разных ступенях социального и политического развития и являвшихся носителями разных культур. Естественно, что несмотря на наличие определенного культурно консолидированного ядра (основная часть населения страны), процесс ассимиляции новых этносов требовал времени, огромных ресурсов и гигантской культурной работы. Однако формирование единой нации каждый раз должно было начинаться сначала.

⁵ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 11–12.

Итак, *основной социокультурной проблемой России*, решаемой ею на протяжении всей истории, является проблема формирования общенародной общности. Если этнический состав подвижен и изменчив, то процесс выработки общепризнанных *социальных* стандартов постоянно возобновляется сначала, поскольку испытывает влияние вновь включаемых в социальную систему этносов. Различные этносы представляют различные системы ценностей. Их совмещение и включение в уже начавшую формироваться раньше систему социальных поведенческих установок требует выработки определенных механизмов такого совмещения. И пока процесс такого совмещения продолжается, социальная система находится в состоянии неустойчивого равновесия, выход из которого чреват распадом и гибелью системы. Именно об этом пишет Т. Парсонс: “Если необходимые культурные ресурсы не будут ассимилироваться посредством интернализации, невозможно будет достижение определенного уровня личности, а следовательно, развитие соответствующего типа социальной системы”⁶.

Складывавшиеся в течение столетий демократические механизмы функционирования общества обладают тем неоспоримым преимуществом, что позволяют четко отслеживать динамику ценностных ориентаций общества и, более того, — сделать процесс формирования институтов общества управляемым со стороны общества: имеется возможность своевременно корректировать социальную политику и не доводить возникающие проблемы до социального взрыва. Сегодня западные демократии представляют собой развитые гражданские общества, члены которых разделяют основополагающие европейские ценности и руководствуются ими в повседневной жизни.

Россия тоже движется к подобному типу общества, однако она отстает в своем развитии, не сформировавшись до настоящего момента как нация. Речь не идет о слепом копировании чужого опыта. Просто система российских институтов пока не достигла уровня развития, отвечающего требованиям, предъявляемым к качеству демократических процедур и институтов, способных обеспечить выработку консенсуса в поликультурном и многоэтническом российском обществе. Именно по этой причине все российские реформы начинали буксовать и не достигали поставленных целей⁷.

Необходимость при соприкосновении с Западом вступать с ним в конкуренцию вынуждала российские власти идти на проведение политических и социально-экономических реформ. Понятно, что задачи этих реформ опережали потребности и уровень культурного

⁶ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 107.

⁷ См.: Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004.

развития самого российского общества, но, не решая этих задач, невозможно было выстоять в конкурентной борьбе и сохраниться как независимое государство. Существование страны после проведения несовершенных, половинчатых реформ, но все же сохранившей потенциал долгосрочного развития в новых социокультурных условиях, А.С. Ахиезер называл “промежуточной цивилизацией”.

Модели современных развитых и динамичных обществ основаны на разных институциональных механизмах и реализуются в разных институциональных структурах. Так, “западная” модель такого общества базируется на развитой системе самодействия, принятия и реализации решений на микроуровне, когда государство стимулирует и подхватывает то, что является порождением индивидуальной, частной инициативы, выполняя при этом роль охранителя, гаранта и в какой-то мере ее генератора. “Восточная” же модель покоится на развитом механизме организации группового и корпоративного поведения, объединенного динамично обновляемой элитой, которая в долгосрочной перспективе определяет, координирует и балансирует интересы отдельных субъектов деятельности в обществе с общенациональными целями. Отличительной особенностью этих моделей является сопряженное развитие культуры данных обществ с прогрессом соответствующих институциональных структур, в частности с эволюцией государственных институтов. Институты данных обществ развивались в соответствии с изменениями формы и содержания культурных традиций, сдвигами в системе ценностей и норм.

В России все складывалось в виде третьей модели. Проводимые сверху реформы априори задавали формы государственности и тем самым насаждали все соответствующие этой форме институты общества. Направленные на “инновационный прорыв” устремления государства намного опережали культурные возможности и потребности страны. Создавалось как бы неосвоенное культурной работой общества пространство, которое в дальнейшем постепенно обживалось в процессе исторического творчества поколений. Процесс этот осуществлялся мучительно и больно, поскольку живые культурные формы должны были втискиваться в рамки надуманных (хотя для кого-то, может быть, и идеальных) или же привнесенных извне институциональных структур. Подобная ситуация служила источником постоянных и длительных конфликтов в рамках системы. Однако самое большое противоречие заключалось в том, что сама культура, ее поступательное движение опирались на мощь и поддержку государства, его охрану. Когда развивающаяся культурная система, образно говоря, “заполняла” отведенное ей в рамках реформ соответствующего периода пространство, она вступала в противоречие с застывшими и посему

неизбежно рано или поздно становящимися узкими для нее институциональными рамками государства. В итоге она неизбежно взрывала эти институциональные оковы. Разрушение же институциональной структуры приводило к подрыву тех опор, которые поддерживали саму эту культуру и тем самым ввергали общество в сильнейший кризис.

Именно в такой ситуации оказалось наше общество в 1990-е гг. Главный упор при выходе из кризиса был сделан на формировании основ рыночной экономики. Однако власти не учли, что рынок — это такое же культурное явление, как и другие элементы современного развитого общества (наука, техника, искусство и т.д.). Современные рыночные институты предполагают наличие совершенно определенного исполнителя, прошедшего вековое культурное возделывание. Следовательно, в стратегическом плане, если брать в расчет не только экономику, но общество в целом, рынок не может автономно служить базисом новой, разделяемой обществом программы, которая позволила бы консолидировать ценностные системы различных социальных, этнических, профессиональных групп всего нашего общества в процессе его жизнедеятельности.

Другой важный вывод из опыта нашего исторического развития состоит в том, что следует перестать копировать чужие подходы, нужно пытаться выработать собственные, внутренне присущие нашему культурному и социально-экономическому генотипу пути перехода к современному инновационному обществу. Если Россия — страна, имеющая свои, ярко выраженные особенности, то это не может не отразиться на характере ее реформ.

В то же время в своем стремлении встать в один ряд с развитыми странами Россия должна понимать, что созданная ими модель современного общества является инвариантной в требованиях к качеству функций, реализуемых системой социальных институтов. Это совсем другой опыт истории и культуры, в которых экономический интерес конкретного индивида, как проявление и реализация активного начала свободной личности, включен в культурную парадигму, определяющую динамику общества на протяжении последних пяти столетий.

В России наряду с силой власти основным средством единения, консолидации и динамики общества всегда выступала идеология (от православия до идей коммунизма), обслуживающая интересы государства, для которого личность была интересна не своим человеческим потенциалом, а как элемент человеческой массы (“народные массы”), рассматриваемой в качестве источника ресурсов для реализации государственных целей. Как бы упрощенно ни выглядела такая трактовка, но именно она отражает суть понятия “державность”.

В контексте общественного сознания и поведения людей эта данность соотносится с системой ценностей, характерных для разных типов цивилизации: традиционные ценности, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; современные ценности, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни и в ее социокультурных сферах. В России модернизация осуществлялась лишь в пользу государства, но не с целью улучшения повседневной жизни людей. Традиционная нравственность инерционна, она вообще не знает модернизационных ценностей, не поддерживает активной преобразовательной деятельности, негативно оценивает инновации.

Согласно теории А.С. Ахиезера, философия которой направлена на решение практических проблем социальной жизни общества, инерционность всегда была и сегодня является главной угрозой общественному развитию России. Историческая инерция — свидетельство привязанности человека, общества к освоенному опыту, постоянное отставание в освоении *инноваций* и, следовательно, снижение адаптивных возможностей общества, его приспособления к постоянно меняющейся ситуации.

Среди факторов, препятствующих инновационному развитию России, как отмечалось выше, следует выделить проблемы формирования общенародной общности и гражданской нации. Очевидно, что пока в России не сформированы гражданская нация, гражданское общество, реформы и модернизация страны будут оставаться половинчатыми и непоследовательными. Общество подобно живой материи: одно произрастает из другого и все процессы в социуме органично взаимосвязаны. Научно-технический прогресс, а в более общем виде — инновационный тип развития вызывает на совершенно определенной социально-экономической основе и не может быть без ущерба перенесен на чуждую ему почву.

Ничто так быстро не меняет все подсистемы общества и совокупность связей между ними как инновационная политика и инновационная система. Меняется структура общества, меняется направленность, содержание, интенсивность и качество связей между отдельными подсистемами, исчезают старые и появляются новые отношения, а в результате изменяется само общество, приобретая новое качество и новый потенциал развития. Динамические показатели потока инноваций зависят от множества факторов, но главными, определяющими для них являются уровень развития культуры общества и присущие ей формы конкуренции. При этом, с одной стороны, инновации есть следствие конкурентной борьбы, а с другой — осуществление инноваций выводит конкуренцию на новый уровень развития культуры общества. Именно

поэтому столь важно улучшать конкурентную среду во всех сферах общества, поскольку выпадение хотя бы одной подсистемы из-под ее влияния рано или поздно приведет к ослаблению этого фактора и в результате — к стагнации и застою.

Конкурентная среда, как показывает пример наиболее развитых и динамичных стран мира, тесно связана с последовательной демократизацией общества, создающей максимально благоприятные условия для проявления частной, индивидуальной и коллективной инициативы, направляющей ее в социально приемлемые рамки при взвешенной роли государства, стимулирующего постоянное наращивание и качественное обновление воспроизводственных контуров общества и укрепление потенциала развития. Не построив гражданского общества и не сформировав гражданскую нацию, Россия будет обречена на вечную вторичность своих инноваций. Она всего лишь будет частично улучшать, совершенствовать и осваивать те инновационные ниши, которые будут открываться странами, ушедшими вперед в своем социально-культурном, технологическом и политическом развитии. Этот вывод следует из того факта, что в своем стремлении сохранить целостность страны до формирования гражданской нации государство неизбежно будет бюрократическим и не позволит создать надлежащие условия для полноценной конкуренции.

Социальные, политические и культурные особенности не только отражают сложности исторического пути России, но и являются следствием включения таких элементов, которые формировались и отбирались в результате преодоления сопротивления истории и способствовали закреплению механизмов успешного его преодоления.

Глобальные препятствия, с которыми столкнулась Россия в своем развитии, способствовали ее нарастающему отставанию от передовых стран мира, а кардинальные попытки сократить и преодолеть это отставание породили специфическую государственную систему, отпечатавшуюся в институциональной структуре общества, которая надолго определила способ разрешения тех многочисленных проблем, с которыми в своем развитии сталкивались государство, народ и общество. Таким образом, социально-историческое развитие страны обусловило создание таких условий, которые в общем и целом неблагоприятны для модернизации российской экономики и общества. Опираясь на это культурное наследие, предстоит сформировать новую концепцию развития общества. Только при наличии высочайших целей, этически оправданных гуманистическими ценностями, такая жизненная философия будет усвоена и станет работоспособной, поскольку

опыт показывает, что жизненные ценности и идеологические установки не только отдельных людей, но даже целого сообщества могут изменяться под влиянием внешних воздействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 2008 (*Ahiezer A.S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta.* М., 2008).

Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013 (*Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva.* М., 2013).

Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997 (*Vernadskij G.V. Russkaja istorija.* М., 1997).

Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002 (*Parsons T. O social'nyh sistemah.* М., 2002).

Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004 (*Shkaratan O.I. Rossijskij porjadok: vektor peremen.* М., 2004).